

Женщина была одна в кромешной тьме комнаты. Хотя комната, в которой она находилась, была большой, лампы, зажженной рядом с ней, было недостаточно, чтобы рассеять ночной мрак, окутавший все углы.

Она поджидала свою жертву в темноте. Родерик Аллен Вайсхафен. Так звали человека, который должен был быть принесён в жертву.

«Я могу это сделать. Нет, я должна. Для моего отца».

Она, с прекрасными серебристыми волосами и голубыми глазами, с застывшим выражением лица достала из-за пазухи кинжал.

Это был предмет, который плохо сочетался с её модным и роскошным платьем, но она смотрела на кинжал глазами, по которым невозможно было понять, что у неё на уме.

Великолепный кинжал, инкрустированный фиолетовыми бриллиантами, в ножнах из платины был сокровищем, которым её отец дорожил, как собственным телом. Драгоценный предмет, к которому никому не разрешалось прикасаться.

Он одолжил ей такой драгоценный меч.

Чтобы убить врага её отца, герцога Родерика Вайсхафена.

«Я должна преуспеть. Я не могу обмануть ожиданий моего отца».

Она укрепила свою решимость и снова спрятала кинжал. Потому что отец – её единственная семья, и она готова на всё ради него. Она была полна решимости убить Родерика Вайсхафена.

Не будет преувеличением сказать, что она жила только ради этого дня. Чтобы убить Родерика, она с юных лет обучалась навыкам убийцы, и два года назад она вошла в этот особняк, выдавая себя за его потерянную единственную дочь.

К счастью, её внешность была похожа на внешность потерянной принцессы Эйлы Хайлинг Вайсхафен.

Мой отец всю свою жизнь прожил без правой руки. Меч Родерика отсёк её. Дело было не только в этом. Отец сказал, что он отнял у него всё, чем он должен был наслаждаться. Из-за этого мой отец прожил всю свою жизнь как преступник и беглец.

То же самое относилось и к ней. В детстве она скиталась с места на место вместе со своим отцом. Затем, два года назад, она поселилась в этом особняке, выдавая себя за пропавшую дочь Родерика.

Она могла бы быть счастлива, потому что убивала такого врага, но по какой-то причине чувствовала себя неудовлетворенной.

Почему? Она не могла внятно объяснить это чувство. Она могла бы просто проникнуться небольшой симпатией к Родерику и его жене Офелии. Или, может быть, её напугал тот факт, что она собиралась убить кого-то впервые в своей жизни. Хотя она бесчисленное количество раз овладевала навыком причинять вред людям, на самом деле делать это было совсем другое дело.

«Не думай о бесполезных вещах».

Она выругала себя и покачала головой. Это было необходимо. Чтобы отомстить за своего отца. И узнать её имя.

Она прожила всю свою жизнь, не зная ни своего имени, ни имени своего отца. Её отец всегда называл её «моя дочь», а подчиненные отца называли её только «юная леди».

У каждого было имя. Даже у собаки её отца было имя, но у неё, которую все называли юной леди, не могло быть имени.

Она всегда просила отца назвать ей её имя, и каждый раз он неизменно произносил это: «Было бы слишком опасно, если бы я сказал твоё настоящее имя. В тот день, когда месть твоего отца закончится, в тот день я назову тебе твоё имя».

Они с отцом всю свою жизнь были в бегах. У неё не было другого выбора, кроме как ждать, веря словам отца о том, что её имя может стать ей известным. Когда работа будет закончена, если она убьёт врага своего отца, она узнает своё имя и имя своего отца. Она в это верит.

Когда она боролась с неизвестными эмоциями, тихо расцветающими внутри неё, из-за двери слышался стук.

«Он пришёл».

Стук.

Она почувствовала, как у неё упало сердце.

«Неужели я ещё морально не готова? Нет, приготовления были сделаны уже давным-давно».

Но когда это случилось, она не могла не нервничать.

- Принцесса, прибыл его превосходительство герцог.

Она попыталась унять дрожь в руках и сказала:

- Попроси его войти.

В конце концов, дверь открылась, и вошёл Родерик Вайсхафен. У него были черные волосы, голубые глаза и сильное тело, которое не соответствовало его 40-летнему возрасту.

Лучший фехтовальщик в империи и глава семьи Вайсхафен, хранителей империи. Хотя Родерик всегда настороженно относился к окружающим благодаря своим острым глазам, он был добрым отцом для своей дочери.

- Я здесь, Эйла. Что ты делала, не включая свет?

Увидев, как он входит в комнату с дружелюбной улыбкой на лице, она почувствовала, как что-то защемило у неё в груди.

«Глупец».

Не зная, что это ловушка, направленная на то, чтобы лишить его жизни, посмотрите, как он бежит как сумасшедший, когда его дочь говорит, что ей есть что сказать.

Было бы неплохо высмеять эту глупость, но этого не произошло.

- Я не в первый раз прихожу в твою комнату, так что нервничаю без всякой причины, - Родерик смущенно почесал затылок и шагнул в темную комнату.

Дверь закрылась, и двое остались одни. Взгляд Родерика внезапно стал острым.

- В комнате есть кто-нибудь ещё, кроме нас?

- Прошу прощения? О нет. Я была одна.

Она не могла скрыть своего смущения. Всё идёт наперекосяк ещё до того, как она достает свой меч.

Это было потому, что в этой темной комнате был кто-то ещё. Кто-то прятался.

Родерик был мастером меча, который превзошёл всё человеческое. Казалось, он почувствовал

чужое присутствие своими обострёнными чувствами.

– Держись позади меня.

Но вопреки её опасениям, Родерик, казалось, не сомневался в своей дочери. Для него было естественно верить, что она и есть настоящая Эйла Вайсхейвен.

Родерик надёжно обнял её, отстраняя, и направился к шкафу, где кто-то прятался.

Это была возможность, которая больше никогда не представится. Он повернулся спиной к наемному убийце. Если она сейчас заколеблется и упустит возможность, второго шанса у неё не будет.

Она достала спрятанный отцов кинжал, намереваясь убить его, и приблизилась к Родерику. Его нужно заколоть одним махом. Она замахнулась мечом на врага своего отца, затаив дыхание, чтобы не издать ни звука.

Но в этот краткий миг Родерик повернулся и рефлексивно схватился за лезвие.

– Эйла, что?

У него был такой вид, словно он не мог поверить, что его дочь внезапно наставила на него нож. Эйла изо всех сил вцепилась в рукоять, чтобы у неё не отобрали кинжал.

Родерика можно было убить только застав врасплох. Она была уверена, что не потерпит поражения в поединке один на один ни с одним рыцарем, какими бы хорошими они ни были, но какой бы хорошей убийцей она ни была, ей будет трудно победить Родерика.

«Это конец? Неужели я вот так потерплю неудачу?»

Как раз в тот момент, когда она был близка к разочарованию, стало видно, как кровь капала с руки Родерика, когда он держал лезвие голой рукой.

«Это успех».

Острое лезвие было покрыто смертельным ядом. Даже Родерик, который вышел за пределы человеческого тела, не смог бы справиться с этим смертельным ядом.

– Почему ты..., – не зная, что даже в этот самый момент смертельный яд течет по его венам, забирая его жизнь с каждой минутой, на лице Родерика было написано только недоумение. – Эйла...

Эйла, Эйла... Родерик, который как раз повторял имя своей дочери, споткнулся и ударился о стену, как будто яд начал действовать.

- Не называй меня этим именем. Я не твоя дочь.

Я почувствовала тошноту. Это было отвратительно. Я не могла понять, откуда взялось это отвращение. Страх перед тем, что кто-то умрёт у неё на глазах? Или это её ненависть к Родерику, который разрушил жизнь её отца?

- Эйла, дочь моя...

Как будто яд добросовестно выполнял свою работу, некогда крепкое тело Родерика утратило силу и упало на пол. Но всё же в его глазах не было видно обиды на меня. Вместо этого то, что я чувствую, - это страстное желание раскаяния. И бесконечная привязанность.

- Почему?

- ...Мне жаль, Эйла..... прости, - несмотря на звук тяжелого дыхания, Родерик не переставал говорить. До самого конца он просто смотрел на неё глазами, полными нежности.

Как глупо.

- Нет, я...

Эйла - не твоя дочь. Она пыталась отрицать это, но её продолжало подташнивать, и она не могла открыть рот.

И затем.

- Родерик Аллен Вайсхафен.

Дверь шкафа открылась, и человек, прятаясь в шкафу, вышел наружу. Рыжие волосы и яркие янтарные глаза. Элегантный жест. И грубый протез кисти вместо того места, где должна была быть правая рука.

Он был моим драгоценным отцом.

- Я наконец-то избавляюсь от тебя. Я это сказал. Я обязательно избавлюсь от тебя. Я сдержал это обещание.

Его золотистые глаза светились в темноте. Его лицо было полно радости, когда он широко

улыбался.

- Ты забрал мою Офелию, отдал моё место, которое принадлежало мне, моему брату и даже забрал мою правую руку. Я задавался вопросом, как убить тебя наиболее болезненно.

- Ты такой... Байрон...

Глаза Родерика расширились, как будто он узнал моего отца. Он что-то сказал ему умирающим голосом, но я не расслышал ничего, кроме имени Байрон.

- Ты прав. Это я, Байрон. Ты хорошо это помнишь. Тебе не следует забывать имя человека, которого ты так легко предал.

Байрон. Очевидно, это было имя моего отца, и я задавалась этим вопросом всю свою жизнь.

Глаза Родерика смотрели так, словно он хотел сказать что-то ещё, но, казалось, он больше не мог дышать. Герцог задыхался, как будто даже дышать было больно, и вскоре умер.

Он даже не мог закрыть глаза.

- ...Прощай, старый друг. Это не зайдет далеко.

Байрон закрыл его глаза с выражением радости на лице. Два сверкающих глаза были переполнены радостью.

Спокойно наблюдая за происходящим, она выдохнула воздух, который до этого задерживала. Это было ужасно.

- О боже. Моя дочь. Ты хорошо выполнил свою домашнюю работу.

Тогда он должен похвалить ее. Байрон подошел к ней, которая не могла даже подумать о том, чтобы пошевелиться, и выхватил кинжал у нее из рук.

"... ..Сейчас я заберу этот кинжал обратно. Спасибо вам за вашу тяжелую работу".

Грубо вытерев кровь с одежды Родерика, лежащего на полу, её отец вложил свой драгоценный кинжал обратно в ножны. Потом он поцеловал её в волосы, как делал всегда. Как будто она была бесконечно очаровательной.

- А теперь, я думаю, мне следует назвать тебе твоё имя, как я и обещал, верно? А перед этим, может быть, мы сначала произнесём тост?

Он достал откуда-то бутылку шампанского и налил его в роскошный хрустальный бокал.

Она посмотрела на бокал с шампанским, который он держал в руке. Ей не хотелось пить. Если она что-то проглотит, ей казалось, что её немедленно вырвет.

- Давай, выпей это. Ты почувствуешь себя лучше. Давай поговорим позже.

Байрон улыбнулся и элегантно пригубил шампанское из своего бокала. Глядя на него таким образом, она рефлекторно поднесла свой бокал ко рту, и снаружи до неё начал доноситься какой-то бормочущий звук. Казалось, что осуществление плана началось. Байрон планирует полностью атаковать особняк после того, как она убьет герцога.

Она крепко зажмурилась и сделала глоток шампанского. Ощущение горячей жидкости, стекающей по горлу, было неприятным. Казалось, что алкоголь был крепче, чем казался на первый взгляд.

- Да, именно так.

Байрон, наблюдавший за тем, как она глотает шампанское, улыбнулся, его глаза сияли. В тёмной комнате, где даже лунный свет был скрыт облаками, только его золотистые глаза, казалось, ярко сияли.

- А теперь скажи мне моё настоящее имя, - она открыла рот. Звук, казалось, доносился издали, как будто кто-то другой говорил её устами.

- Хорошо. Обещание есть обещание.

Байрон улыбнулся и сел на диван, грациозно скрестив ноги. Это был настоящий контраст с трупом герцога, лежащим на холодном полу.

- Тебя зовут Эйла, - в тот момент, когда Байрон заговорил, у неё изо рта полилась кровь. - Ты - Эйла Хайлинг Вайсхафен.

<http://tl.rulate.ru/book/96482/3310444>